

Александр Павлович Люсый

НАГИБИН

ЮРИЙ МАРКОВИЧ

(1920–1994), русский писатель-прозаик, журналист,

сценарист, мемуарист

Родился 3 апреля 1920 в Москве. Еще накануне его появления на свет отец, Кирилл Александрович, был расстрелян как участник белогвардейского восстания в Курской губернии. Он успел «завещать» беременную жену Ксению Алексеевну другу Марку Левенталю, который усыновил Юрия. Лишь в зрелые годы тот узнал, кто его настоящий отец. Марк Левенталь вскоре был тоже репрессирован (сослан). Вторым отчимом стал Яков Рыкачев, оказавшийся первым литературным учителем, сумевшим пробудить вкус к словесному творчеству.

В 1938 Нагибин окончил школу с отличием и поступил в Московский медицинский институт. Интересы к врачебному делу у него не возникают, и он переходит учиться на сценарный факультет ВГИКа. Окончить институт не удалось. В начале войны институт эвакуировали в Алма-Ату, а Нагибин был призван в армию и осенью 1941 отправлен на Волховский фронт в отдел политуправления. Незадолго до войны успел опубликовать в журнале свои первые рассказы «*Двойная ошибка*» («Огонек», 1940, № 11) и «*Кнут*» («Московский альманах», 1941, № 2).

В 1942 Нагибин – в должности «инструктора-литератора» на Воронежском фронте. В том же году вступил в Союз писателей СССР. В его фронтовые обязанности входит разбор вражеских документов, выпуск пропагандистских листовок, ведение радиопередач. На фронте был дважды контужен, по выздоровлению комиссован по состоянию здоровья. Работал военным корреспондентом газеты «Труд». Фронтовой опыт воплощен в рассказах, собранных в сборники «*Человек с фронта*» (1943), «*Большое сердце*», «*Две силы*» (оба –1944), «*Зерно жизни*» (1948).

В конце 1940-х – начале 1950-х подружился с Андреем Платоновым (1899–1951). В результате, как он позже вспоминал в *автобиографии*, «целый период моей литературной учебы состоял в том, что отчим вытравлял Платонова из моих фраз».

Авторская известность приходит к Нагибину в начале 1950-х. Рассказы «Трубка» (1952), «Зимний дуб» и «Комаров» (1953), «Четунов» (1954), «Ночной гость» (1955) оказались «добро замеченными читателями». Рассказы Хазарский орнамент и Свет в окне, опубликованные в рожденном «оттепелью» альманахе «Литературная Москва» (1956, № 2), вызвали гневный окрик в партийной печати (наряду с Рычагами

Александра Яшина). Однако буквально год спустя в «Библиотечке „Огонька"» появились рассказы, препарированные по законам соцреализма, и Нагибина «реабилитировали». Как отмечает Юрий Кувалдин, «ему постоянно приходилось балансировать на грани диссидентства и правозащитности».

Большинство рассказов Нагибина, объединенные общей темой, «сквозными» героями и образом повествующего, складываются в циклы – военный, «охотничий», историко-биографический, цикл путевых рассказов. Долгие годы автор рассматривался преимущественно как новеллист, стремящийся «сказать в малом о большом».

Для военных рассказов характерен поиск собственной индивидуальной авторской манеры. Среди лучших из них, включенных писателем в свое последнее, оплаченное им самим 11-томное собрание сочинений, – «На Хортице», «Связист Васильев» (под названием «Линия» впервые был напечатан в газете «Красная Звезда» в 1942), «Переводчик» (1945), «Ваганов» (1946). Военный материал был также использован в повестях «Путь на передний край» (1957), «Павлик» (1959), «Далеко от войны» (1964). Раскрытие военных будней и героизма простого солдата становится все более психологически углубленным и драматичным, появляется тонкость и рельефность в контурах характеров. Особенно выделяется среди произведений этой тематики повесть «Павлик», герой которой преодолевает в себе страх смерти с помощью разума.

За десятилетие с 1954 по 1964 сложился «Охотничий» цикл более чем из 20 рассказов. Своим рождением они обязаны пейзажам Мещеры и окрестностей Плещеева озера. В них заметно влияние классической литературной традиции, восходящей к тургеневским «Запискам охотника». Повествование здесь ведется от первого лица: «Ночной гость», «Погоня» (1962), «Мещерская сторона», «Молодожен» (1964). Нагибин здесь – тонкий художник природного мира и испытатель человеческих характеров в природной среде. При этом во взаимоотношениях человека и природы рассматривается как социально-нравственная, так и экологическая стороны.

«Охотничьи» рассказы подготовили почву для деревенской темы. В дело пошли материалы и наблюдения послевоенных журналистских лет, когда писались очерки о колхозной жизни для «Правды», «Тру-

да», «Социалистического земледелия», «Смены». В итоге родилась повесть «Страницы жизни Трубникова» (1962), ставшая исторически самым «звездным» часом Нагибина. Именно эта повесть послужила сценарной основой для поставленного режиссером Алексеем Салтыковым фильма «Председатель» (1964). Этот фильм стал событием, вызвавшим прорыв в общественном сознании тех лет. За столкновениями Егора Трубникова, образ которого ярко воплощен впервые столь масштабно раскрывшимся актерским мастерством Михаила Ульянова, и Семена Силуянова, людей страстных и одержимых своими идеями, зрители прочитывали столкновение противоположных жизненных принципов, двух систем взглядов – общественной и индивидуалистической.

Творчество Нагибина органично вписывалось в набиравшие в 1950–1960-е силу тенденции «деревенской» прозы. Однако сам писатель попытался сразу же повторить кинематографический успех, предложив проект нового фильма «Директор». В заявке автор прямо сообщал, что в свое время волею судьбы он вошел в семью одного из основоположников отечественного автомобилестроения, бывшего революционного матроса и чекиста, партийного выдвиженца Ивана Лихачева, женившись на его дочери. Сюжетной основой, таким образом, стала насыщенная биография тестя (бурный роман с женой которого, то есть с собственной тещей, будет откровенно описан позже).

Драматизм процесса съемок не был оправдан художественным результатом. Во время работы над первым вариантом фильма «Директор» погиб известный актер Евгений Урбанский. Отснятый после большого перерыва второй вариант фильма запомнился разве что тем, что дал путевку в творческую жизнь актеру Николаю Губенко. Однако Нагибин продолжал писать доходные в то время сценарии. По его сценарной обработке повести Владимира Арсеньева, в частности, японский режиссер Акира Куросава снял фильм «Дерсу Узала», отмеченный «Оскаром» (к огорчению сценариста, только за режиссуру). Всего в его сценарном активе более 30 фильмов – «Бабье царство», «Девочка и эхо», «Самый медленный поезд», «Чайковский», «Красная палатка» (где пришлось в последний момент оперативно вводить «лирическую» линию для Клаудио Кардинале, бывшей в то время близкой подругой итальянского спонсора фильма), «Загадка Кальмана», знаменитая трилогия о гардемаринах и другие.

Писатель Нагибин не ограничился «деревенской» и «производственной» темами. Появляются вполне «городские» автобиографические циклы, составившие книги «Чистые пруды» (1962), «Книгу детства» (1968–1975) и «Переулки моего детства» (1971). Он обращается здесь к истокам формирования духовного облика своего лирического героя Сережи Ракитина и его поколения. Не только фоном, но и своеобразным «героем» цикла становится образ самой Москвы с ее городским бытом и нравами. Тема Москвы развивалась в многочисленных последующих публицистических статьях, собранных в книге Москва... как много в этом звуке (1987). Успех же книг Нагибина в целом в эти годы объясняется волнующей лирической исповедальностью, естественной искренностью интонаций, легкостью и ясностью слога, богатой метафоричностью, оригинальной ритмической структурой повествования с обязательным финальным аккордом, в котором давалась морально-этическая оценка рассказанной истории.

В 1970-е его привлекает тема творчества как такового на современном и историко-культурном материале в цикле «Вечные спутники» (1972–1979). «Героями» таких художественных «микроэпопей» стали протопоп Аввакум, Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Чайковский, Рахманинов, И.Анненский и другие великие личности. Особой оригинальностью эти произведения не отличаются. Как признавался сам писатель, полное знание материала не приближало, а отталкивало его от намеченной задачи. Творческий полет возникал лишь когда память отряхивала груз сковывающих воображение фактов. Для воссоздания «духовного пейзажа» требовалась прежде всего опора на «первовидения», «память зрения и чувства». Отсюда обвинения в субъективизме и авторском произволе.

Среди устойчивых тем Нагибина, по разному варьировавшихся на протяжении всего его творческого пути, – яркая и разнообразная любовь, а также драматизм несостоявшегося или упущенного счастья. Писал ли он реалистическую вещь или сказку, но в отношениях мужчины и женщины у Нагибина сложилась устойчивая расстановка характеров: он всегда раним и беззащитен, до самоубийства включительно, она всегда сильнее и устойчивей в этом мире. Светлую, с легкими ностальгическими мотивами прозу Нагибина в начале 1980-х сменила трагическая напряженность, большая злободневность и острота, склонность к социально-философским отступлениям. Неожиданно

данностью стали его сатира с фарсом и пародией, а также эротика. «Рассказы синего лягушонка» – это исповедь «лягушки с человеческой памятью и тоской», которая осталась у него от былой человеческой жизни (тогда как любимая превратилась в постчеловеческом бытии в грациозную косулю). Критика осудила новую прозу писателя за «отсутствие нравственной определенности». Вадим Кардин обнаружил у него «беспомощность перед иронически посмеивающимся словом, которое вырвалось из-под его власти».

В последние годы жизни «синий лягушонок» не то чтобы в очередной раз сменил шкуру, но полностью вывернул себя наизнанку. Он с демонстративным, не свободным от шутовского самолюбования самообнажением показал самые «потаенные» страницы своей биографии. Он воссоздал историю жизни отца и своего отношения к нему – «Встань и иди» (1987), вспомнил первую любовь – «Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волюнтаризма и застоя» (1994), описал роман с тещей – «Моя золотая теща» (1994), оставил крайне пессимистическую повесть-завещание «Тьма в конце туннеля». Посмертно опубликованный «Дневник» (1995) полон крайней откровенностью и однозначно нелицеприятными оценками своего окружения.

Умер Ю. М. Нагибин в Москве 17 июня 1994 года, похоронен на Новодевичьем кладбище.

Именно последние произведения продолжают вызывать интерес у современного читателя, а критики порой продолжают ломать копыя вокруг Нагибина. В «нагибиноборчестве» замечены Виктор Топоров и Александр Солженицын, тогда как Юрий Кувалдин пытается осуществить своеобразную приватизацию на право объективных оценок его творчества.

Александр Павлович Люсый — российский культуролог, краевед, публицист, литературный критик, журналист